

СУДАРИКОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,
 ГУСЕВА АННА ЮРЬЕВНА,
 СЕЙДМАМЕДОВА АЙЛАР

РУССКИЙ ТУРКЕСТАН СТОЛЕТИЕ НАЗАД: ИСТОКИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает разные аспекты исторической ситуации в русском Туркестане сто лет назад. Исследуются особенности национальной политики; показаны истоки современных сложностей в отношениях России и стран Средней Азии. Для решения этих проблем предлагается использовать образование как «мягкую силу».

Ключевые слова: Туркестан; национальная политика; политическая система; административная система; государственное управление; ислам и христианство; империя и колония; национальный менталитет; железная дорога; восстание в Туркестане 1916 г.; февральская революция; Туркестанский комитет; система образования; джадидизм.

SUDARIKOV A. M.,
 GUSEVA A. YU.,
 SEYDMAMEDOVA A.

THE RUSSIAN TURKESTAN A CENTURY AGO: SOURCES OF THE EUROASIAN INTEGRATION

ABSTRACT

The article considers the different aspects of a historical situation in the Russian Turkestan hundred years ago. Features of national policy are investigated; sources of modern difficulties in the relations of Russia and the countries of Central Asia are shown. It is offered to use education as “the soft force” for the solution of these problems.

Keywords: Turkestan; a national policy; a political system; a management system; public administration; Islam and Christianity; empire and colony; a national mentality; a railroad; a revolt in Turkestan 1916; February revolution; Turkestan committee; the education system; Jadidism.

В начале XXI в., буквально на наших глазах, происходит изменение внешнеполитического вектора с прозападного на евразийский, что актуализирует вопрос об отношениях России и стран среднеазиатского региона. Исторически Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан весьма своеобразно связаны с Россией, поскольку в последние три столетия разные части этого важного региона на разных основаниях присоединялись к России и приобретали независимость от нее [1, с. 190].

В современной ситуации сложных и неоднозначных отношений между Российской Федерацией и странами Среднеазиатского региона, ранее входившими в состав СССР, полезно изучить историю этих отношений. Оценка этих исторических процессов сегодня происходит с разных позиций – от утверждения, что Российская империя сурово колонизировала независимые народы Средней Азии, до тезиса, согласно которому Российская империя принесла им цивилизацию и тем самым помогла включиться в общемировые исторические процессы. В нашу задачу не входит оценка этих глобальных выво-

дов, но представляется, что истина сложнее, чем обе указанные крайности. Цель данной статьи – выявить истоки современных, не лишенных сложности, отношений России и стран Средней Азии через анализ ситуации в русском Туркестане на рубеже XIX–XX веков.

Само понятие «русский Туркестан» сегодня не является общепринятым, хотя оно исторически (и географически) оправданно и не несет никаких колониально-оценочных смыслов. Как указывает В.Н. Калущков, геоконцепт «Туркестан» сформировался к началу XX в., что зафиксировал, в частности, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: обозначение «Туркестан» относится к западно-центральной части Евразии и означает страну тюркских народов. Также в отношении к региону в целом использовались наименования: Туран, Западный Туркестан, Русский Туркестан [2, с. 174; 3, с. 93]. Последние два – лишь как часть парных геоконцептов «Западный Туркестан – Восточный Туркестан» и «Русский Туркестан – Китайский Туркестан» (т.е. северо-западный Китай, населенный тюркоязычными народами). Также север-

ная часть географического региона «Туркестан» называлась Киргизской степью (официальное название – Степное генерал-губернаторство); в южной части региона располагалось Туркестанское генерал-губернаторство [2, с. 174]. Т.е. термин «Туркестан» относился одновременно и к целому региону, и к его части, а официальное название – прежде всего к южному субрегиону. Такая сложность в наименованиях обусловлена последовательностью присоединения территорий к Российской империи. В середине XVIII в. в состав Российской империи вошли земли Младшего и Среднего Жузов, что соответствует территории Западного и Северного Казахстана; в середине XIX в. – Старший Жуз (Южный Казахстан). Южная часть региона Средней Азии (Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) вошла в Российскую империю лишь во второй половине XIX в..

Параллельно с термином «Туркестан» к южной части региона применялся также геоконцепт «Средняя Азия», что отражено в классических географических трудах [3, с. 94; 4].

В советское время геоконцепт Туркестан отошел на второй план, применялись два субрегиональных термина – Казахстан и Средняя Азия, или Казахстан и республики Средней Азии (однако он использовался в военной сфере, причем обозначение «Туркестанский военный округ» относилось и к Казахстану, т.к. округ включал все пять азиатских республик СССР; с 1969 г. реформа привела к разделению округа на два, и название «Туркестанский» было перенесено на южную часть региона). В связи с этим существует точка зрения, предлагающая «перезапустить» геоконцепт «Туркестан» или его варианты (Постсоветский или Западный Туркестан), что позволит региону сохранить историческую и культурную целостность.

Таким образом, исторически название Туркестана традиционно носили пять областей восточнее Каспийского моря: Закаспийская, Самаркандская, Ферганская, Сырдарьинская, а также Бухарское и Хивинское ханства. Россия присоединила часть Средней Азии в 1860-х гг., создав из завоеванных территорий Туркестанское генерал-губернаторство.

С августа 1865 г. по временному Положе-

нию об управлении Туркестанской областью ею управлял генерал-губернатор через начальников отделов (флангов). В сельской местности сохранялась прежняя местная администрация, которую «курировали» российские чиновники, принимая жалобы населения и обеспечивая их рассмотрение в мусульманском суде (судебные дела решали беки и кадии). В городах было создано национальное городское управление (старший аксакал и подчиненные городничему заведующие полицией в кварталах). В 1886 году было введено новое Положение об управлении Туркестаном, в котором реализовались принципы общеимперского законодательства при сохранении для коренного населения отдельных традиционных учреждений; сокращены полномочия губернской администрации, урезаны полномочия генерал-губернатора и его канцелярии во внешнеполитических вопросах. Параллельно были урезаны и полномочия военного ведомства в управлении Туркестаном, из ведения военных министерств изъяты суд, финансы, народное просвещение, телеграф, почта.

По этому же Положению оседлое население уездов делилось на волости, волости на сельские общины (аксакальства); волостные правители и сельские старейшины избирались населением на три года. К концу XIX в. были введены выборные волостные органы для кочевого населения. При этом и для кочевого, и для оседлого населения сохранялись народные суды, судившие по местным, фактически шариатским, обычаям. Итогом стала утрата контроля над народными судами со стороны местной российской администрации. Независимыми от нее оставались мусульманская школа и духовенство. Отдаленность края обусловила слабость контроля над этими структурами со стороны центральной власти.

На рубеже XIX-XX вв. вследствие столыпинских реформ численность русского населения возросла; началось экономическое преобразование региона. Это вызвало недовольство коренного населения края – его земли сокращались за счет передачи переселенцам. Сенатская ревизия в Туркестане, проведенная в 1908 г. графом К. К. Паленом, привела к предложениям снизить темпы русской колонизации и обеспечить приток «сильных представителей русской народности»,

а не «отбросов сибирского переселения...» [5, с. 181]. Также Пален предложил усилить русскую администрацию края, реформировать систему управления, расширить права генерал-губернаторов. Предполагалось также объединить национальную и общеимперскую судебные системы, не затрагивая по возможности культуру и религиозную жизнь мусульманского населения. Но новое Положение не было документально окончательно оформлено, и не поступило на рассмотрение Государственного Совета и Государственной Думы [6, с. 96-98].

Как отмечает П.Ф. Рагимова, политика российского правительства относительно всех «национальных окраин» в целом была направлена на слияние с империей и унификацию управления; но идеи слияния с Россией и унификации управления и законодательства не были поддержаны широкими слоями населения (особенно явно в Прибалтике, Польше, Финляндии), что в дальнейшем привело «к отрыву от России внутри правящей элиты, которая в принципе относилась лояльно к политике Российской империи» [6, с. 98]. Вероятно, аналогичные процессы происходили и на среднеазиатских территориях и на Кавказе. Однако к началу Первой Мировой войны заметных изменений в Туркестане не произошло, и население региона в целом поддерживало центральную власть. Среднеазиатские окраины считались спокойными.

Между тем, присоединение к России повлекло за собой достаточно быстрое развитие экономики этих территорий. Интересы Российской империи имели не только геополитический, но и вполне экономический смысл. Интересный обзор экономической ситуации в Туркестане на основе косвенных данных дан в статье И. Мамадалиева и Н. Махмудовой [7]. Авторы считают, что земледельческая культура среднеазиатских ханств находилась на высоком уровне, распространено было скотоводство, а также ремесла и домашняя промышленность (изготовление шелковых, шерстяных, хлопчатобумажных тканей; кустарное изготовление гончарных и металлических изделий). То есть Туркестан представлял собой «колонию, имевшую особое значение не своими свободными территориями, годными для заселения русскими переселенцами, а колонию

для всевозможной эксплуатации её богатств в торгово-промышленных целях» и был прибыльным для России. Но хотелось бы также указать, что «Колонизаторы XIX в., будь то англичане, французы или русские, не могли позволить себе грабить колонии, так как это было нерационально и нерентабельно. В XIX в. колонии должны были приносить стабильный доход, а для этого в них приходилось вкладывать капиталы» [8, с. 7-8].

Как формулирует другой историк, «Закрепление России в Средней Азии, было немислимо без обеспечения прочной экономической связи между Русским Туркестаном и метрополией. Поэтому рассматривались все возможные пути сообщения, в том числе и водный» [9, с. 93].

В России развивалось строительство железных дорог, и еще в 1870-х гг. по заданию генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана были проведены исследования линии для строительства дороги и в Министерство путей сообщения представлено ходатайство о скорейшем ее сооружении. В 1877 и 1878 были определены возможные направления: через Кара-Кум от Оренбурга на Кара-Туган и дальше правым берегом Сыр-Дарьи. В 1879 г. во время путешествия Великого князя Николая Константиновича в Оренбургский и Туркестанский край в экспедицию были включены специалисты, изучавшие условия будущего строительства: инженер путей сообщения, геодезист, топограф, естествоиспытатель, археолог, геолог, картограф, художник, журналист. Но военные действия в Туркменистане привели к тому, что изыскания и единый план строительства не были закончены. Строительство началось в интересах военной кампании (II Ахалтекинской экспедиции генерала М. Д. Скобелева) от Михайловского залива до Кизыл-Арвата, этот участок был закончен к сентябрю 1881 г. Продолжение строительства произошло только в 1884 г., была проведена линия через Ашхабад до Чарджоу; в мае 1888 г. благодаря мосту через Аму-Дарью ее протянули до Самарканда. Таким образом, Закаспийская военная железная дорога (ЗВЖД) была открыта 10 сентября 1888 г.

Дорога была построена на средства и силами военного министерства, и находилась в веде-

нии отдела перевозки людей Главного штаба. В течение почти двух десятилетий, даже в первое десятилетие после передачи дороги МПС, ее продолжали обслуживать специалисты железнодорожных батальонов, поскольку этого требовали технические условия. Дорога проходила по песку, полотно было сложно защищать от заносов и наводнений, даже при том, что опыт заставил поднять дорогу до уровня вершин барханов; рельсы были облегченными, мосты (даже через Аму-Дарью) деревянные, долгое время вдоль дорожных линий не существовало никакой гражданской инфраструктуры. Однако по мере превращения военной магистрали в хозяйственную производились перестройки и усовершенствования.

Очевидно, что первая в Средней Азии железная дорога укрепила российские геополитические позиции в противостоянии с Великобританией, однако следует учитывать и ее грандиозное экономическое значение. Она позволила ввозить в регион российские товары и вывозить выращиваемый здесь хлопок. В 1899 г. ЗВЖД была соединена с построенной в 1898 г. Самаркандо-Андижанской дорогой в единую Среднеазиатскую казенную железную дорогу (САЖД), которая перешла в ведение Министерства путей сообщения. САЖД была открыта 1 мая 1899 г.; ее длина в 1905 г. составляла 2 382 версты.

Строительство железной дороги привело к росту хлопководства. Так, в 1895–1897 гг. во всей Средней Азии было произведено 5 млн. пудов хлопка, а в начале 1900-х гг. в одной только Ферганской долине ежегодно собиралось от 11 до 13 млн. пудов хлопка, – до проведения железнодорожной линии большая часть потреблялась на месте, но с начала 1900-х гг. весь урожай хлопка после очистки на заводах шел в Россию. С 1865 по 1907 гг. потребление Россией хлопка увеличилось в 10 раз. Отдельные районы русского Туркестана начали специализироваться на производстве хлопка: в 6 уездах края под хлопчатник отводилось до 100% посевных площадей, в 13 уездах – от 90 до 80%, в 16 – от 75 до 60% [9; 10].

Осенью 1900 г. под руководством А. И. Урсати началось строительство железной дороги от Оренбурга до Ташкента, причем одновременно с двух сторон. ОТЖД начала работу в январе 1906 г., открыв прямой выход в Центральную Россию. Следствием стал резкий взлет хлопко-

водства. С 1906 по 1916 г., площади хлопководства выросли так же, как за предшествующие четверть века. Параллельно в промышленности развивается предприятия по первичной обработке хлопка и получению хлопкового масла (в 1914 г. из края было вывезено 2,5 млн. пудов хлопкового масла). Обе отрасли – и сельскохозяйственная, и промышленная, – были необходимы для русской текстильной промышленности, и правительство содействовало этому. Так, местные сорта хлопка с короткими волокнами были замещены американскими длиноволокнистыми, которые уже могли конкурировать с индийским и афганским хлопком на мировом рынке.

Железные дороги подтолкнули и добычу угля и нефти (с конца 1870-х гг. до 1911 г. общая добыча угля в крае возросла с 0,4 до 3,5 млн. пуд.). Крупнейший нефтепромысел Туркестана «Чимион» в начале XX в. обслуживал нужды железных дорог, давая ежегодно примерно 3 млн. пуд. нефти в год. Царское правительство, потратив более 400 млн. руб. на строительство САЖД и ОТЖД, предполагало военное использование этих трасс, однако в итоге они способствовали экономическому подъему, причем их экономическое значение сохраняется и сегодня [9].

Русское население Туркестана на рубеже XIX–XX вв. делилось на три основные группы:

- горожане, занимающие позиции в администрации и в секторе местной экономики (почти все квалифицированные рабочие в Туркестане являлись европейцами, и, по словам историка Г. Сафарова, «принадлежность к промышленному пролетариату в царской колонии была национальной привилегией русских» [11, с. 110];
- сельские жители: русские крестьяне и казаки, которые с 1890-х гг. направлялись в Туркестан Переселенческим управлением;
- русские на военной службе, – их число особенно выросло в 1916 г.

Русские поселенцы обладали монополией вооруженной силы, и потому чувствовали свое превосходство над «туземцами», что проявлялось зачастую в не слишком цивилизованных формах. Г. Сафаров пишет: «О русском переселенце не приходится даже и говорить: начиная с февральской революции, он стал хозяйничать в кишлаках и аулах, как в совсем собственном кармане» [11, с. 61-62].

Местное население самоидентифицировалось как «мусульмане Туркестана» – в соответствии с концепцией, в которой религиозные, региональные и этнические аспекты глубоко переплетались. Причем различие между местным населением и «европейцами» являлось не просто вопросом социального согласия, а было признано юридически и служило основанием значительных привилегий для последних [12].

Настроения местного населения довольно внимательно отслеживались. С 1907 г. в крае работало «Районное охранное отделение», которое занималось политическим сыском и собирало сведения о «панисламизме» и «пантюркизме». А в 1909 г. Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, которую возглавлял В. А. Мустафин, разработала вопросник для военных губернаторов областей. Они, как и Главный инспектор учебных заведений края, должны были ежегодно представлять в Канцелярию генерал-губернатора, причем эти документы были в статусе совершенно секретных. Вопросник был нацелен именно на изучение настроений населения в связи с национально-культурной, религиозной и образовательной традициями, а также на выявление влияний со стороны соседних государств [13].

Администрация Туркестана была обеспокоена исламскими влияниями – со стороны Ирана и Турции, где происходят революции; однако опасным фактором дестабилизации, вероятно, были и действия контрразведок Великобритании и Германии. Так, в Туркестане задерживались японский (!), афганские и британские, турецкие и германские «наблюдатели», китайские и персидские агенты. Вывод военного историка: хотя официальная военная контрразведка в Туркестане существовала с 1911 по 1917 г., она сумела противостоять и разведывательно-подрывной деятельности разведок ведущих иностранных государств, и формированию диверсионных отрядов из «инородческого населения империи» [14].

Но серьезное противостояние местных жителей российским властям и русским переселенцам, как известно, все же произошло в 1916 г. В условиях Первой мировой войны 25 июня 1916 г. в Российской империи был издан указ о мобилизации «инородческого» населения Туркестана и Степного края на тыловые работы, что повлекло недовольства и волнения и восстания среди местного населения в отдельных районах Средней

Азии. Принудительный призыв на работы, в том числе и по рытью окопов, был воспринят свободным кочевым населением не иначе как обращение в рабство. Главными лозунгами стала борьба против мобилизации и проводившей ее царской администрации, а главными объектами нападения повстанцев стали российские правительственные чиновники и учреждения, где хранились мобилизационные списки, и русские переселенцы, которые обосновались на земле, еще недавно отобранной у кочевников. Видимо, недовольство тем, что земли осваивали переселенцы, зрело давно – как отмечает Мухамедов, «Большой ропот среди населения вызвало основание в области (*имеется в виду Ферганская область и прежде всего Коканд* – А.С.), русских селений, поселенцы которых получили наделы даром и, кроме того, пособие на обзаведение хозяйством. Местные люди задают вопрос: «Разве мы не дети одного отца (царя), и почему же одним дают всё, а других обходят?» [15, с. 301].

Е.А. Глуценко в системном исследовании истории Средней Азии упоминает, что достаточно регулярно даже сегодня воспроизводится упрек в адрес русского населения – якобы переселенцы «наводнили Туркестан и захватили земли коренных жителей, то есть представляли для местного населения серьезную угрозу. Но Туркестан в начале XX в. был заселен слабо (около 5 миллионов человек), а русские селились в основном в городах и железнодорожных поселках. К 1917 г. русских поселенцев в сельской местности на огромных земельных просторах края проживало всего около 500 тысяч человек» [8, с. 7]. Однако следует учитывать и тот факт, что коренные жители Туркестана были освобождены от воинской службы. Хотя они облагались дополнительными налогами (причем немалыми – с 1 января 1915 г. был введен 21-процентный военный налог), к 1916 г. почти все русские переселенцы призывного возраста были в армии, а их наделы было приказано обрабатывать и собирать урожай местному населению [8, с. 542].

Реакция на бунт была суровой: новым туркестанским генерал-губернатором был назначен А.Н. Куропаткин, известный жесткими мерами при подавлении Андиганского восстания 1898 г. Куропаткин вооружил русских переселенцев, в результате к концу лета на территории Семиречья и части Сырдарьинской области началась межэтническая война.

16 августа 1916 года Куропаткин сообщил военному министру Дмитрию Шуваеву: «В одном Пржевальском уезде в имущественном отношении пострадало 6024 семейства русских поселенцев, из коих большинство потеряло всю движимость. Пропало без вести и убито 3478 человек. Вероломно неожиданные нападения на русские селения сопровождались зверскими убийствами и изуродованием трупов, насилия и издевательства над женщинами и детьми, варварское обращение со взятыми в плен и полное разрушение нажитого тяжелым многолетним трудом благосостояния с потерей во многих случаях и домашнего очага» [16]. Как указывал депутат Государственной думы кадет Степанов, восстание и его подавление создали «глубокую рытвину между местным населением и властью, превратив их в два враждебных лагеря, и в то же время привела к интенсивному росту национального самосознания народов края» [16].

Советские историки оценивали эти события как акт национально-освободительной борьбы против царизма, что сегодня вызывает определенные сомнения. Восстание было жестоко подавлено властями. А.Ф. Керенский, вернувшись из Туркестана, в своем выступлении в декабре 1916 г. сказал, что даже на Западном и Кавказском фронтах он не видел столь «идеально», по его выражению, уничтоженного города, как Джизак [17, с. 208]. Карательные отряды, как сообщала ташкентская газета «Туркестанские ведомости» 9 октября 1916 г., «без устали преследуют банды бунтовщиков, нанося им новые потери и освобождают много пленных. Но это не все: главный результат комбинированных операций войск заключается в том, что все мятежники загнаны сейчас в такие горные районы, где вскоре вследствие голода и холода они в полной мере почувствуют последствия своего безумного восстания». В восстании погибли десятки тысяч людей – как местных жителей, так и русских переселенцев [18, с. 111]. Сегодня можно говорить, что это восстание было предвестником развала империи в 1917 г.

Революционные события 1917 г. оказали громадное влияние на весь мусульманский мир. Территория Туркестана и Степного края стала

ареной мощного и своеобразного столкновения и взаимодействия идей и массовых движений, политических инноваций и традиций. Но основной импульс дезинтеграции страны исходил из центра империи, а национально-освободительные движения были причиной, а следствием февральской революции.

Когда новость об отречении Николая II была получена в Туркестане, все слои населения начали политически организовываться. Первыми начали рабочие-железнодорожники, создавшие 2 марта свой Совет, который на следующий день организовал Ташкентский Совет рабочих депутатов. На созванном Ташкентской городской думой собрании всех общественных организаций был избран исполнительный комитет из 19 членов под председательством умеренного меньшевика В.П. Наливкина, выдвижению которого на этот пост отнюдь не помешала продолжительная карьера царского чиновника в Туркестане [12]. В следующие несколько недель двоевластие установилось в Ташкенте и в других городах края, причем созданные общественные организации представляли лишь местных европейцев. Поскольку во время первой русской революции 1905-1907 гг. коренное население в своей значительной массе было аполитичным и сыграло достаточно скромную роль в событиях того периода, европейцы предполагали, что и новая революция 1917 г. также останется их внутренним делом, а их привилегированный статус в регионе будет, как и ранее, незыблемым. Мусульманам предоставлялась лишь возможность ознакомиться с новым порядком и ничего более (только по два их представителя были включены в исполнительные комитеты общественных организаций Ташкента и Самарканда) [12].

Однако 1917 г. очень отличался от 1905 г. Феодальные порядки, экономическая и политическая зависимость от России сковывали инициативу представителей местных торгово-промышленных кругов. Постепенно они включились в общественную жизнь в лице своих представителей – джадидов [19]. Джадидизм, от арабского «усул-и-джадид» (новый метод), новаторское движение культурной реформы, побудительным мотивом деятельности кото-

рой было стремление мусульманских регионов самостоятельно решать свою судьбу. По социальному происхождению джаиды в основном были представителями мелкой буржуазии и национальной интеллигенции, чем были обусловлены как сильные, так и слабые стороны этого движения.

Свержение царской власти спровоцировало активные действия местного населения. Митингующие Самарканда требовали, чтобы налоги, собираемые в старой части города, не тратились на его русскую часть, а мусульманам предоставили не два, а 58 из 90 мест в Исполкоме [12]. 9 марта в Ташкенте многолюдный митинг избрал четырех представителей в Ташкентский Исполком и составил отдельный комитет для управления старым городом, выбравший себе название Шура-и Исламия, которое переводилось как Совет мусульманских депутатов. Шура-и Исламия объединяла и координировала работу мусульманских организаций, возникающих по всему Туркестану.

Русское население, несомненно, было удивлено этой активностью, ибо провозглашенное российским Временным правительством равноправие угрожало подорвать привилегированное положение европейцев, а голод, который еще только начинал ощущаться, превращал это в проблему выживания последних.

Политический конфликт происходил в условиях существенного ограничения рамок власти центрального правительства. С 31 марта, когда Ташкентский Совет депутатов, действуя по своей инициативе, арестовал Куропаткина и выслал его из пределов края, Туркестан уже фактически стал автономным. Такое состояние продлилось почти до середины 1920 г. [12]. Тем не менее, Петроград поддержал действия Ташкентского Совета и назначил Туркестанский комитет Временного правительства в составе девяти человек, которым поручалось управление регионом до выборов в Учредительное собрание. Турккомитет включал четырех мусульман, из которых, правда, ни один не был коренным туркестанцем. Он вступил в конфликт с Ташкентским Советом. В результате уже в течение месяца несколько членов Турккомитета вышли из его состава и возвратились в Россию. Ташкентский Совдеп, будучи более

радикальным, чем его краевой аналог, оказался наиболее мощной властью в крае [12].

10 апреля 1917 г. Мустафа Чокаев, сыгравший большую роль в послереволюционных событиях, на заседании Туркестанского краевого съезда представителей исполнительных комитетов общественных организаций, где он был делегатом от Сырдарьинской области, услышал: «Мусульмане должны довольствоваться тем, что дадим им мы, русские, а поэтому «туземцы» не должны предъявлять чрезмерных требований» [17, с. 208]. Но местное население требовало лишь того, чтобы новая власть в городах строилась на коалиционных началах из представителей советов и национальных организаций в связи с тем, что фактически она оказалась в руках советов, которые установили настоящую диктатуру.

Трудность заключалась в том, что туркестанские федералисты не могли найти общего языка с русскими социалистами. На вершине пирамиды совдепов стоял Туркестанский краевой совет, который был органом чисто русской «революционной демократии». Тукрамус во главе с Мустафой Чокаевым был организацией младотуркестанцев (как их называли тогда русские) – радикалов, подвергшихся влиянию русской культуры, которые стремились переустроить жизнь местного населения на европейских началах.

Младотуркестанцы были готовы к сотрудничеству с русскими социалистами (при условии уважения последними традиций коренного населения), но по-прежнему непримиримы по отношению к старому укладу жизни и деятельности улемистов (араб. улямá – «знающие, учёные»). Возглавлявший улемистов переводчик, востоковед, тюрколог С.А. Лапин заявлял: «Я всегда стоял и буду стоять на страже защиты и осуществления законных прав мусульман на самоопределение, построенное на чисто мусульманских принципах и началах шариата, не смущаясь тем – каким бы именем ни было угодно моим политическим противникам называть занимаемую мной позицию» [17, с. 212].

По планам улемистов, Туркестан должен был стать автономной республикой в составе России со своим законодательным собранием. Улемисты

подготовили конституцию Туркестанской республики, согласованную с основными российскими законами и с требованиями шариата. Отказать наотрез комитет не решался, а ответить согласием не мог. Возник конфликт между реформаторами и консерваторами: младотуркестанцы не могли согласиться с шариатскими установлениями общественно-политической жизни края, а клерикалы не способны были примириться с «русифицированным подходом» к политическому устройству Туркестана. При этом Тукра-мус открыто предавали «анафеме» называя его членов «продавшимися русским революционным идеям отщепенцами» [17, с. 212].

Механизм разобщения руководителей туркестанских представительных органов по «русскому» вопросу был известен. Еще на апрельском краевом съезде был внесен проект создания двух самостоятельных дум в городах Туркестана – для русских и для туркестанцев. По свидетельству Чокаева, «русские революционеры не хотели, по их собственным словам, «подвергать русское население Туркестана унижительному для него положению подчиненного туземцам» [17, с. 214].

Временное правительство не занимало определенной позиции по национальному вопросу, и было сковано обязательством продолжать войну. Оно сообразило, что проблема угнетенных национальностей воспринимается легче, когда они являются орудием в борьбе против имперской власти, а не когда они сами обретают власть. Решение конкретных вопросов было отложено до созыва Учредительного собрания. 19 марта правительство предложило нациям декларацию о правах, которая сводилась к равенству людей вне контекста национального вопроса. Но фактически неравенство национальностей косвенно, а зачастую и явно, сохранялось [5]. Трудности Временного правительства возрастали, и оно отождествило ярко выражавшиеся националистические устремления с угрозой революции, которая стала очевидна, когда большевики взялись настраивать националистические движения против правительства. Таким образом, Туркестан был втянут в революционные события 1917 г., охватившие всю Россию, и дальнейшие действия правительства не

сходились с истинными интересами коренного населения. По существу, колониальный гнет не завершился, а лишь перешел в новую фазу своего развития, было нарушено незыблемое право наций на самоопределение, игнорировался плюрализм мнений, и Туркестан продолжал быть сырьевым придатком России.

В отношениях России и Туркестана было немало трудностей, в истории этого взаимодействия множество жертв. Может быть, эти отношения могли быть более гуманными, если бы в большей мере были задействованы возможности образования. Как пишет Ш. Б. Мухамедов, «Соприкосновение двух культур – мусульманской и христианской, несомненно, привело к их взаимовлиянию и взаимообогащению. Мусульманские народы, населяющие Российскую империю, оказались под влиянием европейско-христианской цивилизации, которая на этом отрезке времени оказалась гораздо сильнее и жизнеспособнее, что нашло своё подтверждение в завоевании мусульманских народов христианами. Мусульманская интеллигенция, сравнивая христианское и исламское образование, сделала выводы о необходимости реформирования своего сугубо конфессионального образования, которое практически не вело к прогрессу. Естественно, что надо было развивать светскую науку и образование, не отказываясь и от исламского конфессионального просвещения» [15, с. 310].

Исторически в Туркестане образовательные учреждения – мактебы и медресе, – были нацелены на приобщение к культуре народов Ближнего Востока, Индии и Китая. С присоединением к России в конце XIX-начале XX в. сложилась система, в которую входили мусульманские старометодные и новометодные мактабы и медресе, русско-туземные школы для коренного населения (аульные и старшинские школы первоначального обучения с курсом обучения 2-3 года, одноклассные и двухклассные русско-туземные школы для мальчиков и девочек и совместного обучения, средние учебные заведения (мужские и женские прогимназии и гимназии, реальные училища), профессиональные учебные заведения (сельскохозяйственные, ремесленные, педагогические). Система, таким образом,

реформировалась в направлении унификации с общеимперской, но с сохранением национальной специфики.

Реформистское течение джадидистов, которое сформировалось в среде интеллигенции тюркоязычных народов Крыма, Поволжья и Туркестана в конце XIX (И. Гаспринский, Д. Кильдеев и др.), вело критику религиозной направленности образования в старометодных мактабах и медресе и призывало реформировать их. Так, И. Гаспринский предлагал унифицировать мусульманские школы через введение единых учебных планов и программ; включить в обучение такие предметы как арифметика, география, естествознание, история; заменить мулл учителями-предметниками; применить вместо буквослагательного способа изучения грамоте фонетический, звуковой метод; проводить испытания по окончании матабов и выдавать соответствующие свидетельства; создать систему наблюдения за мусульманскими школами не со стороны мусульманского духовенства или правительственных инспекторов, а со стороны выборных почетных граждан из мусульман с подчинением их попечителю округа. Также предполагалось дать школам необходимое оборудование и учебники, обеспечить учителям заработную плату. Первые новометодные школы начали открываться в конце XIX века – с 1893 г. в Самарканде и Бухаре, после приезда туда И. Гаспринского. В 1917 г. в Туркестанском крае насчитывалось около сотни новометодных мактебы и медресе. Им требовалась новая учебная литература, которая вскоре появилась – буквари, книги для чтения, учебники по арифметике, истории, географии, естествознанию. Родной язык изучался по книгам «Начальный учитель» С. Саидзизова (1901) и «Второй учитель» Г. Калинина (1902).

Однако эта реформа испытывала противодействие с разных сторон. С одной стороны, новая организация системы образования ослабляла авторитет мусульманской мечети в целом, чему сопротивлялись религиозные духовные лидеры. С другой стороны, инициатор реформ, Исмаил-бек Гаспринский, будучи крымским татаринном и сторонником пантюркизма, не вызывал доверия у чиновников системы образования. Так, в июне 1892 г. он направил генерал-губернатору Туркестана барону А. Б. Вревскому «Записку о мусульманских школах» – в ней описывался

опыт новометодных школ в Крыму и предложение об организации таких учебных заведений в Туркестане. Записка была перенаправлена 3-му инспектору народных училищ Туркестанского края В. П. Наливкину, который отрицательно отозвался как о личности инициатора реформы, так и о возможности переноса опыта крымских школ в Туркестан [15]. Реформа была заторможена еще и административной чехардой – Наливкина в 1896 г. сняли с поста инспектора (его действия привели к росту напряженности между администрацией края и мусульманскими учебными заведениями). Кроме того, в 1900–1910 гг. в Туркестане сменились 7 генерал-губернаторов... Гаспринскому все же удалось распространить новые методы обучения, но в значительно меньшем масштабе, чем это могло бы произойти. Как отмечает историк, «царской администрации в Туркестане жилось спокойно, пока местное население, обучаясь в старометодных мусульманских школах, практически получая знания очень далёкие от реальной жизни, не представляло для властей никакой опасности. Приобщение среднеазиатских народов к европейской цивилизации и в том числе к европейской философии (читай – свободомыслию), естественно, стало предметом для размышления туркестанской администрации. Что лучше: покорный народ или мыслящий народ? Эта дилемма не требовала долгих споров. Конечно, же «да здравствуют старометодные школы!» Пусть ребенок в этом мактабе и медресе учится 20 лет, но самое главное, будет покорным, а какие знания он там получил, было не важно» [15, с. 318-319].

Образование в современном мире выступает одним из инструментов «мягкой силы» как «способности государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей, привлекательности политического курса и эффективности политических институтов» [20].

Как отмечают политологи, между Россией и евразийским пространством «велика вероятность разрыва образовательного пространства, так как российская система образования ориентирована на интеграцию в Европу, а страны Центральной Азии больше смотрят в сторону Азиатско-тихоокеанского региона. К тому же, Россия, несмотря на имеющиеся давние тради-

ции в предоставлении образовательных услуг выходам из Центральной Азии, сегодня все же уступает в этой области США и Европе» [21, с. 182].

Наибольшее количество иностранных студентов приезжают в Россию из Казахстана, Китая, Киргизии, Белоруссии, Индии, Вьетнама, Узбекистана, Таджикистана, Армении и Украины [22]. Но, во-первых, продвижение российского образования сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны учебных заведений Китая и США; во-вторых, оценить результаты образовательного сотрудничества России и стран Средней Азии можно лишь в долгосрочной перспективе. А пока что не может не настораживать тот факт, что в апреле 2017 года Президент Казахстана объявил, что намерен перевести графику казахского языка с кириллицы на латиницу, а следом за ним с таким же предложением выступили и в парламенте Киргизии... Остается лишь надеяться, что российская образовательная система все же сможет послужить эффективным инструментом в гармонизации отношений России и стран Средней Азии.

Выводы, вытекающие из изучения истории русского Туркестана: современное сотрудничество России и стран Средней Азии не должно строиться как взаимодействие имперского центра и национальной окраины, как столетие назад: это должно быть взаимодействие равных партнеров. Эффективным инструментом его выступает образование, которое, как «мягкая сила», дает наиболее длительные, хоть и небыстрые, не сразу заметные, результаты.

Список литературы

1. Дубовицкий В.В. Россия в Среднеазиатском регионе: три века в зеркале геополитики // История и современность, 2009. – №1. – С. 190-221.
2. Туркестан // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. XXXIV, 1902. – С. 174.
3. Калуцков В.Н. Постсоветское азиатское пространство: Туркестан или Центральная Азия? // Псковский регионологический журнал, 2015. №23. – С. 92-97.
4. Полное географическое описание нашего отечества /Под редакцией В.П. Семенова. Т. 19. Туркестанский край. СПб.: издание А.Ф. Дебриена, 1913.
5. Аллворт Э. Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. – М.: Центрполиграф, 2016. – С. 181.
6. Рагимова П.Ф. Национальная политика Российского правительства в конце XIX – начале XX века // Вестник Самарского государственного университета, 2010, №79. – С. 96-98.
7. Мамадалиев И.А., Махмудова Н.С. «Русский Туркестан» – цена окраин для имперского бюджета // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2013, Вып. 4 (37). – С. 180-191.
8. Глушченко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. – С. 7-8.
9. Волков И.В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития Русского Туркестана // Пространство и время, 2013, №3(13). – С. 92-98.
10. Аранов А. Российский хлопковый проект в Туркестане. Начало XX в. (Из неопубликованной рукописи «Революция в центре Азии». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://memoryoffuture.blogspot.ru/2011/03/xx.html> (дата обращения 25.04.2017).
11. Сафаров Г., Бочагов А.К. Колониальная революция (Опыт Туркестана). – Алматы: Жалын, 1996. – С. 61-62.
12. Халид А. Туркестан в 1917-1922 годах: борьба за власть на окраине России. // Трагедия великой державы. Национальный вопрос и распад Советского Союза. – М. 2005. – С. 189-226.
13. ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 528. Л. 29-30 об., цит. по: Мухамедов Ш.Б. История русского Туркестана: правда и вымысел. Взгляд историка из XXI века // Метаморфозы истории, 2013, вып. 4. – С. 291-321.
14. Волков И.В. Военная контрразведка Русского Туркестана и мировые процессы // Власть, 2009, №8. – С. 147-150.
15. Мухамедов Ш.Б. История русского Туркестана: правда и вымысел. Взгляд историка из XXI века // Метаморфозы истории, 2013, вып. 4. – С. 291-321.
16. Калишевский М. Трагедия 1916 года: 95 лет со дня восстания. Электронный ресурс.

Режим доступа <http://www.fergananews.com/articles/7003>(дата обращения 25.04.17).

17. *Исхаков С.М.* Русская революция 1917 года и тюрки Центральной Азии. – Транскаспий: 27 ноября, 2000. – С. 208

18. *Папазов А.В.* Среднеазиатское восстание 1916 года и роль генерал-губернатора А.Н. Куропаткина в его подавлении. – М.: Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012, № 2. – С. 109-112.

19. *Валиханова Н.С.* Историография национальных движений партий Средней Азии за период 1917-1991 гг. Дисс. на соискание уч. степ. д-ра ист. наук 07.00.09. – М., 2001 [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.dslib.net/istorio-grafia/istoriografija-nacionalnyh-dvizhenij-partij-srednej-azii-za-period-1917-1991-gg.html](http://www.dslib.net/istorio-grafia/istoriografija-nacionalnyh-dvizhenij-partij-srednej-azii-za-period-1917-1991-gg.html) (дата обращения: 11.01.17).

20. *Nye J.* The Means to Success in World Politics. NY. 2004.

21. *Агеева В.Д.* Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации. Дисс. на соискание уч. степ. канд. полит. наук. СПбГУ, 2016.

22. *Торкунов А.В.* Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России// Вестник МГИМО, 2012, №4. – С. 85-93.